

Памяти Николая Николаевича Страхова.

(† 24 Янв. 1896 г.).

„Богословский Вѣстникъ“ не можетъ не откликнуться на новую утрату, которую понесла Россія въ лицѣ „одного изъ просвѣщеннѣйшихъ своихъ сыновъ“ ¹⁾, Н. Н. Страхова. Философъ, публицистъ, литературный и научный критикъ, талантливый переводчикъ,—Н. Н. Страховъ былъ однимъ изъ тѣхъ (увы, немногихъ!) людей, благодаря которымъ, слава Богу, Россія, кажется, благополучно пережила опасную эпоху броженія умовъ, возбуждавшаго столько тревогъ и опасеній въ шестидесятые и семидесятые годы ²⁾.

¹⁾ Изъ привѣтствій Н. Н. Страхову по случаю сорокалѣтія его дѣятельности. *Русскій Вѣстникъ*, 1896—Февраль, стр. 252.

²⁾ „Богосл. Вѣстникъ“ имѣеть еще и особия побужденія занести на свои страницы имя Н. Н. Страхова: онъ происходилъ изъ духовнаго званія и среднее образованіе получилъ въ семинаріи, которой, вѣроятно, и обязанъ формально-логическою выработкою, характеризующею все его труды. Вотъ его краткій *curriculum vitae*. — Родился Н. Н. Страховъ 16 октября 1828 года, въ Вѣлградѣ, Курской губ., гдѣ отецъ его, протоіерей, былъ настоятелемъ одной изъ церквей и вмѣстѣ съ тѣмъ профессоромъ семинаріи по кафедрѣ словесности. Потерявъ, девяти лѣтъ, отца, покойный жилъ затѣмъ у дяди, ректора семинаріи, сначала въ Каменецъ-Подольскѣ, а затѣмъ—въ Костромѣ, гдѣ онъ и учился въ семинаріи, по выходѣ изъ которой (изъ философскаго отдѣленія въ 1844 году) поступилъ въ Петербургскій университетъ, а затѣмъ въ главный педагогическій институтъ. По окончаніи въ 1851 курса въ послѣднемъ, покойный въ теченіе года преподавалъ физику и математику въ Одесской гимназіи, а затѣмъ въ теченіе девяти лѣтъ—естественную исторію во второй Петербургской гимназіи. Защитивъ въ 1857 диссертацию на степень магистра зоологін („О костяхъ запястья у млекопитающихъ“), онъ чрезъ два года выступилъ въ печати съ рядомъ статей, подъ общимъ заглавіемъ „Письма объ органической жизни“, послужившихъ основой его позднѣйшаго труда „Миръ какъ цѣлое“. Съ этого

Н. Н. Страховъ умеръ 68 лѣтъ, скромно справивъ соразколѣтіе своей учено-литературной дѣятельности. За этотъ періодъ характеръ и особенности его, какъ писателя, опредѣлились вполне, такъ что ихъ можно точно указать.

Прежде всего Н. Н. является передъ нами человѣкомъ широко и многосторонне образованнымъ. Его образованность, однако, отнюдь не есть безсистемная ученость, какою она такъ часто является у большинства спеціалистовъ различныхъ научныхъ областей. Нѣтъ, всё его свѣдѣнія проникнуты одной идеей, и направляются къ одной общій цѣли, организованы по одному общему плану. По крайней мѣрѣ онъ къ этому настойчиво стремился всю свою жизнь. „Нельзя думать, — говорилъ онъ, — что истина достигается простымъ накопленіемъ познаній; что для возвышенія нашего взгляда нужно только повыше строить изъ познаній пирамиду или кучу, сваливая въ нее все, что успѣемъ собрать“¹⁾. Это въ устахъ Н-я Н-а не простой риторическій оборотъ, но, такъ сказать, девизъ, которому онъ самъ всегда и вѣрно слѣдовалъ.

Стремясь къ организаціи своихъ знаній по одной идеѣ, Н. Н. былъ, въ то же время; очень стоекъ въ своихъ взглядахъ, самостоятеленъ въ сужденіяхъ, не склоненъ къ

времени Н. Н. прекращаетъ свои педагогическія занятія и начинаетъ дѣлательно сотрудничать во *Времени* и *Эпохѣ*, издававшихся братьями Достоевскими, а потомъ въ *Библиотеку для чтенія*, *Отечественныхъ Записокъ*, въ журналѣ *Заря* и пр., а въ 1873 поступаетъ на службу въ Императорскую публичную бібліотеку. Въ ней онъ оставался до 1885, когда его назначаютъ членомъ ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ 1882 покойный началъ собирать свои критическія и естественнонаучныя статьи, разбросавшыя по разнымъ журналамъ, и сталъ выпускать ихъ отдѣльными книгами. Такъ, послѣдовательно появились три его замѣчательныя книги подъ заглавіемъ: „Борьба съ Западомъ въ русской литературѣ“ (1883—1895), „Критическія статьи объ Н. С. Тургеневѣ, и Л. Н. Толстомъ“ (1885—1895), вышедшія недавно третьимъ изданіемъ, „Объ основныхъ понятіяхъ психологіи и фізіологіи“, „О вѣчныхъ истинахъ“ (мой споръ о спиритизмѣ), „Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ“, „Воспоминанія и отрывки“, „Изъ исторіи литературнаго нигилизма“ и, наконецъ, въ минувшемъ году — „Философскіе очерки“. Нельзя не упомянуть также, что покойнымъ изданы „Сочиненія А. Григорьева“ и „Россія и Европа“ Н. Я. Данилевскаго.

¹⁾ „Объ основныхъ понятіяхъ фізіологіи и психологіи“, Сиб. 1885, предисл. стр. VI.

поспѣшному и слѣпому преклоненію предъ авторитетами. Большинство его работъ критико-полемическаго характера и это не случайность: онъ весь былъ проникнутъ духомъ критики. На литературную борьбу и полемику его выводилъ не случай, не увлеченіе, но именно желаніе отстаивать свои, дорогия ему, научныя и жизненныя убѣжденія и вотъ почему его критика всегда серьезна и благородна. Она никогда не переходитъ въ безплодное и безрезультатное критиканство, въ личные счеты. „Въ полемикѣ, — говоритъ онъ, — я старался выбирать не самыя большыя мѣста противниковъ, а самыя существенныя стороны дѣла“ ¹⁾. Да, это такъ! Кто дастъ себѣ трудъ прочитать его сочиненія полемическаго характера, тотъ вполне убѣдится въ этомъ. Онъ прежде всего стремился установить вопросы и указать правильные пути для ихъ рѣшенія. Онъ прежде всего методологъ, а потомъ уже критикъ. Отсюда его критика всегда плодотворна, правильна и поучительна.

По направленію своей философіи Н. Н. идеалистъ. Онъ увлекался Гегелемъ (особенно въ молодые годы, какъ, впрочемъ, и многіе тогда!), любилъ и цѣнилъ Шопенгауера. Но онъ чуждъ былъ ихъ монистическихъ и пантеистическихъ крайностей. Онъ былъ настолько методиченъ и критиченъ, что умѣлъ различать въ ихъ твореніяхъ цѣнное и питательное зерно отъ шелухи. Отсюда его философія можетъ быть вполне согласована съ началами теизма. Гегель и Шопенгауеръ не мѣшали ему цѣнить Клода-Бернара и нашего выдающаго ученаго и мыслителя, Н. Я. Данилевскаго.

Какъ публицистъ, Н. Н. выступаетъ предъ нами горячимъ патриотомъ. Онъ принесъ на алтарь отечества лучшее сокровище, какимъ обладалъ — свой литературный талантъ и свои знанія. Онъ проникнуть былъ мыслию, что наша духовная и политическая самостоятельность, наше движеніе впередъ обусловлены прежде всего нашею вѣрою въ себя, въ свои историческіе, религіозные и бытовые устои, въ свои силы, въ свое призваніе. Часъ Россіи пробьетъ, когда она перестанемъ вѣрить въ свое высокое духовное призваніе; перестанетъ цѣнить ввѣренныя ей духовныя блага, а это случится, если мы станемъ коснѣть въ бездѣйствіи и

¹⁾ „Борьба съ западомъ“, кн. 2-я, изд. 2-е, Спб. 1890 г., стр. XI. предисл.

преклоняться предъ западомъ. Онъ былъ убѣжденный славянофилъ. Знаменитая книга Н. Я. Данилевскаго: *Россия и Европа* главнымъ образомъ благодаря ему была замѣчена, опѣнена и прочитана нашими образованными людьми и уже одно это великая заслуга Н. Н. Страхова. Тотъ подъемъ нашего національнаго сознанія, то пробужденіе и освѣженіе православно-русскихъ идеаловъ, которое въ послѣдніе годы такъ энергично проявилось во всѣхъ сферахъ нашей жизни, — этотъ такъ сказать переломъ въ нашей жизни совершился не безъ вліянія нашихъ славянофиловъ, въ ряду которыхъ имена Н. Я. Данилевскаго и Н. Н. Страхова несомнѣнно будутъ признаны позднѣйшею исторію одними изъ наиболѣе значительныхъ.

Какъ на глубочайшую основу и источникъ всѣхъ указанныхъ особенностей, характеризующихъ научно-литературную дѣятельность Н. Н. Страхова, слѣдуетъ указать на его религіозную настроенность. Занятіе наукою было для него лишь средствомъ для установки *границъ рационализма*, а это казалось ему совершенно необходимымъ для „сознательнаго и правильнаго отношенія ума къ жизни, взятой во всей ея полнотѣ“: „если мы не безотчетно и не невольно двигаемся внутри извѣстной черты, а напротивъ вполне сознательно сами проводимъ вокругъ себя опредѣленную границу, то нашъ взглядъ неизбѣжно устремится на то, что внѣ этой границы“¹⁾. А внѣ этой границы именно и лежитъ та область, въ которую возвышаетъ насъ религія. Религіозность Н-я Н-ча отнюдь не была, однако, слѣпою и фанатичною. Нѣтъ, она всегда просвѣтлялась яснымъ сознаніемъ и убѣжденною мыслью. Такъ, приведя слова Клода-Бернара, по которому жизнь есть твореніе, творческая идея или актъ, Н. Н. энергично замѣчаетъ: „конечно, всего правильнѣе отнести эти идеи и эти акты воли къ той Непостижимой Причинѣ, къ которой въ концѣ концовъ приходитъ всякое наше познаніе и мышленіе. Такое разрѣшеніе всего вопроса (вопроса о принципѣ жизни) будетъ и правильно и неопровержимо: все происходитъ изъ Бога и все по волѣ Его совершается“. Это, — добавляетъ онъ вслѣдъ за тѣмъ, — „нимаю не упраздняетъ, однако, науч-

1) „Объ основныхъ понятіяхъ физиологіи и психологіи“, предисл., стр., VII.

ныхъ задачъ“. Напротивъ, если мы способны видѣть Бога, то путемъ науки, путемъ изученія окружающей насъ природы, связи и порядка ея явленій, мы будемъ „постепенно и твердо вести нашу мысль къ лучшему и лучшему Его постиженію“¹⁾.

Напомнимъ, наконецъ, что, кромѣ оригинальныхъ своихъ произведеній, Н. Н. обогатилъ русскую литературу мастерскими переводами нѣкоторыхъ замѣчательныхъ твореній западной философской мысли („Исторія Философіи“ *Кунофшера*, „Исторія Матеріализма“ *Ланге* и др.). По опыту знаемъ, что не въ одномъ юношѣ чтеніе именно этихъ произведеній (особенно Кунофшера) зародило первыя сѣмена любви къ философіи и пробудило философскую вдумчивость...

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ литературно-философской дѣятельности Н. Н. Страхова. Помянемъ же даровитаго, благороднаго и неутомимаго борца за истину съ признательностію къ его труду и постараемся извлечь изъ чтенія и изученія завѣщанныхъ имъ твореній духовную пользу! Принести ее своимъ соотечественникамъ было его всегдашнимъ желаніемъ, одушевлявшимъ всю его дѣятельность.

Алексѣй Введенскій.

¹⁾ Ibid., стр. 174.